

— Сюйлегеэр! — Линь Чжаочжао едва не прыгал на постели от досады.

Но чем больше он суетился, тем сильнее Сюйлегеэру хотелось узнать, что же скрыто в маленьком альбоме. Одной рукой он мягко, но твердо прижал Чжаочжао за плечо к ложу, а другой поднес книгу к свету свечи.

— Верни сейчас же! — Чжаочжао не мог пошевелиться и лишь злобно сверкал глазами.

— Лочу, неужели ты читаешь... такие книги?

Линь Чжаочжао замер и в отчаянии закрыл лицо руками, отвернувшись.

— Теперь мне понятно, почему в последние дни ты только и говоришь, что о дворцовых покоях, о государях и наложницах... Видно, я совсем не смыслю в подобных утехах, — кончики ушей Сюйлегеэра едва заметно покраснели, и он неловко кашлянул. — Прости, что... испортил тебе настрой.

— Настрой?! С ума сошел?! Что за нелепость! — Чжаочжао с силой поставил чашку на стол. Его лицо пылало то ли от гнева, то ли от стыда. — Как эта мерзость может быть моей? Я отобрал её у твоего брата Шалалигэ!

— У Шалалигэ? Он что, опять приходил к тебе? И принес ЭТО? — Лицо Сюйлегеэра вмиг потемнело. Его рука легла на плетель на поясе, и он стал похож на разъяренного зверя, готового разорвать любого на своем пути.

— А ну стоять! — Линь Чжаочжао едва не задохнулся от возмущения. Кое-как успокоившись, он вкратце пересказал вождю, как всё было.

— Твой брат вовсе не такой порочный, как ты. Он и не понял, что за картинки в этом альбоме, — Чжаочжао вздохнул. — И если бы не его предупреждение сегодня, я бы...

— Я бы защитил тебя и без него, — Сюйлегеэр впился взглядом в Чжаочжао. — Я понимаю, к чему ты клонишь. Эти ваши поговорки из Ся о любви между братьями...

В глазах мужчины светилась такая дикая, волчья натура, что у Чжаочжао невольно пересохло в горле.

— Он сын моего отца, и я буду о нем заботиться. Но я не хочу, чтобы его имя постоянно слетало с губ моей женщины, — Сюйлегеэр придвинулся почти вплотную, его широкие плечи полностью заслонили Чжаочжао свет.

Генералы Великой Ся говорили, что у этого степного дьявола взгляд, от которого кровь стынет

в жилах — зоркий, как у орла, и хищный, как у волка. Перед ним люди чувствовали себя не живыми существами, а куском сырого мяса.

— Совсем рассудок потерял! Что ты, что твой брат — два сапога пара! — Впрочем, на Чжаочжао этот взгляд не действовал. Ему было плевать, орел перед ним или волк — он просто схватил расшитую подушку и вытолкнул «бога войны» из шатра под звуки собственных ругательств.

— Ого, неужели красавица выставила тебя за дверь?

Сюйлегеэр вышел из главной ставки, погруженный в свои мысли. На его пути оказался младший брат с кувшином вина в руках. Шалалигэ, лукаво сощурившись, с издевкой смотрел на него.

Обычно Сюйлегеэр пропускал выходы мальчишки мимо ушей, но, вспомнив слова Лочу, он внезапно развернулся и решительно зашагал к брату.

— Ты... ты что задумал?! — Шалалигэ мигом растерял всю спесь. Заметив, что старший идет к нему с серьезным видом, он, точно мышь, заведшая кота, попытался дать стрекача.

Но куда там! Сюйлегеэр в три прыжка настиг его и мертвой хваткой вцепился в загривок.

— Сюйлегеэр! Пусти! Что я опять сделал?! Ты что, хочешь убить родного брата?! — Шалалигэ отчаянно засучил ногами, оглашая окрестности воплями.

Увидев, что вождь занес руку, юноша в ужасе зажмурился и заранее закричал от боли. Но ожидаемого удара не последовало — брат лишь несильно хлопнул его альбомом по макушке.

Ущерб никакого, но унижение — великое!

— Ты что творишь?! — взвился Шалалигэ. — Совсем стыд потерял! Если на тебя баба наорала, на мне-то зачем срываться?! Ох, отец, мать, посмотрите, как ваш сын мается!

— Орешь так, будто хочешь всё племя созвать, чтобы они послушали твои причитания, — негромко произнес Сюйлегеэр, не отпуская его шеи.

— ... — Шалалигэ увидел, что вокруг и впрямь начали собираться любопытные, и, не желая позориться, умолк.

— Идем со мной. Есть разговор. — Сюйлегеэр повел притихшего брата в сторону.

— Ой, больно! Больно! Мамочки, как больно! — в другом конце лагеря, в другом шатре, тоже раздавались завывания.

— Ну и зрелище. Из-за пары царапин вопишь на всю степь, — Сариша обрабатывала раны брата. — И это наш «герой степей»?

Она смешивала отцовское лечебное снадобье с вином и наносила его на изуродованную спину Галибы. Тот зашипел от боли и не преминул огрызнуться:

— Твоего брата превратили в кровавое месиво, а ты вместо жалости только язвишь!

— Так ты сам виноват, нечего было вождя злить, — ответила Сариша.

— Вождя? И чья ты после этого сестра? Вечно за Сюйлегезра заступаешься, а о себе не думаешь! Думаешь, раз Цицигэ прогнали, так тебя в жены возьмут? — Галиба от боли совсем потерял берега.

— Кто сказал... что я хочу быть его женой!

— Предательница! Была бы поумнее, переняла бы у этой столичной девки её лисьи повадки, заарканила бы сердце вождя — глядишь, и мне бы не пришлось так страдать! — Галиба зло сплюнул.

— Галиба, ты просто подлец! — Сариша вспыхнула, с силой поставила флакон с лекарством и, не глядя на брата, выбежала вон.

— Только и умеешь, что дома норовом хвастаться! — крикнул ей вслед Галиба. Он продолжал бы ругаться, но слуга снаружи возвестил о приходе Великого шамана.

— Ну как ты, полегчало? — спросил вошедший старик. — Видел твою сестру в слезах, опять вы поссорились?

— Сдалась она мне.

— Она ведь за тебя переживает, — вздохнул отец.

Галиба холодно усмехнулся:

— Знаю я, за кого она переживает. Небось, если бы Сюйлегезр меня до смерти забил, она бы в ладоши хлопала! Почему моя сестра такая дура?

— Довольно, — прервал его шаман. — Перестань бранить сестру. В этот раз ты и правда поступил опрометчиво. Как бы ты ни был недоволен вождем, не стоит идти на него в лобовую.

— Отец, Сюйлегээр позволяет этой женщине учить народ грамоте и пахоте. Даже Шалалигэ она учит стратегии. Я боюсь...

Шаман жестом велел сыну замолчать:

— Я всё понимаю. За последние годы влияние Сюйлегэера выросло настолько, что он сравнялся со мной, и это тебя тревожит.

— Да.

— Сын мой, — проникновенно начал шаман, — мы существуем вместе с племенем Сюэди. Запомни мои слова: Сюйлегээр не твой враг, и ты не должен становиться его врагом.

— И мы будем просто смотреть, как вся власть уходит к нему?

— Есть много способов обуздать человека. Например, подтолкнуть других недовольных стать его врагами. — Шаман похлопал сына по плечу. — Лечись. Когда поправишься, пойдешь к вождю просить прощения.

— Хорошо, — Галиба, хоть и был спесив, перед отцом смирил свою ярость.

Тем временем у костра Шалалигэ, поняв, что сопротивление бесполезно, решил идти до конца. Он вальяжно уселся напротив брата, приготовившись к долгой нотации.

Шалалигэ знал, что спорить с Сюйлегээр — как спорить с солнцем. Что бы он ни делал, его слабый свет всегда мерк в сиянии славы старшего брата. Даже когда их отец был жив, встречаясь с другими вождями, он всегда хвалил «сына моего Сюйлегэера», и никогда — Шалалигэ. Со временем он привык: никто и никогда ничего от него не ждал.

— Шалалигэ, спасибо тебе за сегодня.

Юноша замер. Ему показалось, что он оглох. Неужели его гордый брат поблагодарил его?

— Лочу рассказала мне. Ты узнал, что Галиба хочет ей досадить, и предупредил её. Это был добрый поступок. Хотя в следующий раз я хотел бы, чтобы ты был смелее и просто хорошенько набил Галибе морду.

Шалалигэ: «...»

«Черт побери, он что, в наемные бойцы меня записывает?! И зачем эта женщина ему всё разболтала!»

— Я знал, что придет день, когда ты повзрослеешь.

Шалалигэ хотел закатить глаза и съязвить, но, встретившись с одобрительным взглядом брата,

осекся. На языке вертелись одни ругательства, но произнести их он так и не смог.

Линь Чжаочжао, который издалека наблюдал за братьями, увидел, что они мирно беседуют у костра, и облегченно вздохнул. Теперь можно было уходить.

— Господин, почему вы так печетесь об их отношениях? — Сухэ бережно поддерживал хозяина, чьи ноги еще болели.

— «Когда братья единокрушны — их сила сокрушит и металл», — тихо ответил Линь Чжаочжао. Сюйлегезр по своей натуре вряд ли стал бы об этом думать, поэтому Чжаочжао должен был действовать на опережение.

Он знал лучше всех, как глубоко Сюйлегезр ценит узы крови. В этой жизни он сделает всё, чтобы сохранить для него то, что ему дорого.

Внезапно Чжаочжао остановился.

— Сухэ, а где это мы?

— А? Господин, я не знаю, я за вами шел.

— За мной? А я думал, я за тобой иду...

— Господин... кажется, мы заблудились.

— ...Похоже на то.

Перед ними уже высилась колючая изгородь — край лагеря.

— Господин, вы слышите? — прошептал Сухэ.

— Да... — Чжаочжао побледнел. — Кажется, это плач. Женский плач.

<http://bllate.org/book/13696/1441304>